

— Но тушь из Хуйчжоу очень дорогая, обычным семьям она не по карману, о ней можно только мечтать. Но что, если через какое-то время тебе скажут: тушь из Хуйчжоу тебе не купить, зато кисть из козьей шерсти семьи Тан, которой любит писать сам Великий ученый Лян, тебе вполне по карману. купишь ли ты ее?

— Что еще за кисть из козьей шерсти семьи Тан? Молодой хозяин, когда это мы успели начать делать такие кисти?

— Кхм, это просто пример. Ты просто ответь.

— Тогда тем более надо брать!

Тан Шэнь улыбнулся:

— Вот именно. Великий ученый Лян — ориентир для всех книжников управы Гусу. А как ты думаешь, кто служит ориентиром для всех госпож и барышень управы Гусу?

Понимая, что Яо Сань не найдет что ответить, Тан Шэнь продолжил:

— Ориентиром для них служат госпожи и барышни из богатых семей.

Яо Сань кивнул, хотя понял лишь наполовину.

Тан Шэнь беспомощно вздохнул:

— Просто жди!

В четвертый день двенадцатого месяца Лавка сокровищ семьи Тан закрылась на переустройство. Несколько госпож и барышень, которые часто приходили сюда за румянами и пудрой, были весьма озадачены. Семья Тан вела дела исключительно тонко и предусмотрительно: даже закрыв двери, они оставили у входа слугу. Заметив недоумение на лицах покупательниц, тот сразу же подошел и вежливо произнес:

— Мы снова откроемся шестого числа.

Одна из служанок спросила:

— К чему это? Зачем закрывать лавку?

Слуга ответил:

— Сам не знаю. Слышал только, как управляющий говорил, будто готовят какую-то диковинную вещицу, которую начнут продавать шестого числа.

Госпожа Ван, услышав это, спросила:

— Неужели то самое дорогое Хуанцзиньлюй?

— Не могу знать.

Госпожа Ван сделала для себя выводы и решила: шестого числа нужно обязательно прийти и посмотреть.

Шестого числа двенадцатого месяца богатые госпожи и барышни управы Гусу, словно

сговорившись, пришли к Павильону Чжэньбао. Увидев друг друга, они на миг растерялись, а затем вместе вошли внутрь. Только что открывшийся Павильон Чжэньбао ничем не отличался от прежнего: он был так же роскошен и великолепен, как и другие известные лавки румян и пудры в управе Гусу. Но кроме этой привычной роскоши, в нем пока ничего не изменилось.

Разве что сегодня здесь собралось непривычно много госпож из знатных семей.

Госпожа Ван с любопытством вошла в лавку. Сделав всего пару шагов, она вдруг замерла, привлеченная неким предметом у окна.

От автора: Парные надписи на воротах Академии Цзыян цитируют произведение Ли Ши «Проводы Лу Угуаня».

Юго-восточный угол Павильона Чжэньбао примыкал к небольшой речке. Из-за распахнутого резного окна доносилось тихое журчание изгибающегося русла, а яркий солнечный свет падал прямо на высокую подставку из древесины наньму.

Древесина наньму ценилась чрезвычайно высоко, и даже госпожа Ван, с ее достатком и положением, считала ее редкой роскошью. И все же эта подставка просто стояла посреди лавки. На ней лежали отрезы сучжоуской парчи и тончайшие платки, искусно расшитые лучшими мастерицами управы Гусу. Они были аккуратно сложены друг на друга, а в самом центре покоилась полупрозрачная нефритовая чаша.

В чаше было налито восхитительно благоухающее эфирное масло.

Украшенная драгоценными камнями и лепестками цветов, эта композиция в углу с первого взгляда казалась невероятно дорогой. Большинство заходивших барышень обходили ее стороной, опасаясь случайно разбить. Многие не понимали, что это такое, и расспрашивали стоявшего рядом приказчика.

— Эта вещь зовется Хуанцзиньлюй. Она действует подобно благовониям, но не требует столько хлопот. Достаточно нанести всего каплю на одежду или украшения, и чудесный аромат будет радовать вас весь день.

Управляющий дважды хлопнул в ладоши, и из-за прилавка тут же вышли двое слуг. Держа свиток с двух сторон, они медленно развернули его.

Госпожа Ван вслух прочитала написанные на свитке строки:

— «В волосах золотые нити Хуанцзиньлюй, шпильки в виде бабочек и ивовых ветвей. Смех и радостные голоса доносятся издалека, оставляя лишь нежный шлейф аромата. В толпе я искал её сотни и тысячи раз. И вдруг, обернувшись, заметил её там, где угасает свет фонарей...» Искал её сотни и тысячи раз... Какая прекрасная строка! Поймите, а подпись в конце принадлежит самому Великому ученому Ляну, господину Лян Бовэню!

— Неужели это действительно каллиграфия Великого ученого Ляна?

— Это новое творение Великого ученого Ляна? Ах нет, это стихи поэта по имени Синь Цици. «В волосах золотые нити Хуанцзиньлюй»... Так речь идет именно об этом Хуанцзиньлюй?

По приказу управляющего слуги повесили свиток в рамке на самом видном месте по центру стены главного зала. Тем временем госпожи и барышни управы Гусу уже совершенно потеряли голову от Хуанцзиньлюй.

«В толпе я искал её сотни и тысячи раз. И вдруг, обернувшись, заметил её там, где угасает свет фонарей...»

Девушки, напевая эти строки, смущенно краснели. Клиенты, способные позволить себе «золотую нить», и так были из богатых семей, и обычно они нанимали учителя, чтобы тот обучал девушек грамоте. А это стихотворение... Даже если девушка просто умела читать, не зная «Четырех книг», одно лишь прочтение его заставляло её сердце трепетать от восторга.

Вскоре дорогое Хуанцзиньлюй начали нарасхват раскупать барышни управы Гусу.

Управляющий даже засомневался:

— Неужели я ошибся с ценой? Неужели цена на Хуанцзиньлюй указана неверно?

Конечно, он не ошибся.

Шедевр поэзии, способный пережить века, да еще и с каллиграфией самого Лян Бовэня — не продай они его за баснословные деньги, все старания Тан Шэня по продвижению товара пошли бы прахом. К тому же он лично приходил в Павильон Чжэньбао, чтобы разработать оформление флаконов и способ подачи эфирного масла.

В то время как знатные госпожи и барышни в Павильоне Чжэньбао с готовностью скупали Хуанцзиньлюй, покупательницы попроще могли лишь издали вздохнуть, глядя на нефритовый кубок с эфирным маслом. Однако вскоре их внимание привлекла лежавшая рядом с эфирным маслом плитка нежно-розового цвета.

— Ой, а это что такое? На вид гладкое и нежное, и тоже лежит на сучжоуской парче. Неужели это такая же чудесная вещь, как Хуанцзиньлюй?

Управляющий тут же подошел и с улыбкой пояснил:

— Госпожа, эта вещь называется туалетное мыло...

Вновь открывшийся Павильон Чжэньбао ломился от наводнивших его людей.

Хоть благородные госпожи и барышни и были обучены грамоте, они не слишком глубоко разбирались в поэзии. Плененные романтикой строк о внезапной встрече в полумраке, они даже не заметили, что стихотворение приведено лишь наполовину.

Поместье Лян в переулке Тундэ управы Гусу.

Тан Шэнь с унылым видом вошел в ворота Поместья Лян, неся в руках коробку с туалетным мылом и эфирным маслом, а за спиной — короб для книг.

Лян Сун уже давно ждал его.

Тан Шэнь передал туалетное мыло и эфирное масло дворецкому.

Лян Сун спросил:

— Сегодня та лавка румян и пудры семьи Цзюйжэня Тана снова открылась?

Тан Шэнь кивнул:

— Именно так. Учитель, когда я шел сюда, Яо Сань рассказал, что туда сбежались все жители управы Гусу. Увидев каллиграфию моего наставника, они прямо-таки обомлели. Теперь только об этом и говорят.

Лян Сун покосился на него:

— Если бы ты не выставил старику условие, что откроешь первую половину стиха только после того, как я напишу эти иероглифы, я бы ни за что не стал марать бумагу для твоей лавки.

Тан Шэнь невинно захлопал глазами.

И то верно: Лян Сун, будучи одним из четырех великих ученых Поднебесной, обладал выдающейся — Фэйжань — литературной славой. Обычным людям было не то что не допроситься у него памятной надписи, но даже заслужить его совет или наставление казалось делом несбыточным. Хотя в Великой Сун к торговцам относились вполне снисходительно — ученые могли заниматься коммерцией, а купцы допускались к государственным экзаменам, без суровых ограничений последующих эпох, — Лян Бовэнь ни за что не стал бы писать вывеску для какой-то лавки румян и пудры.

Когда Тан Шэнь набрался наглости попросить Лян Суна о каллиграфии, тот едва не выставил своего единственного ученика, взятого на склоне лет, пинком за дверь кабинета — да так, чтобы он улетел напрямик в садовый пруд.

— Хоть бы каплю гордости в тебе было!

Но Тан Шэнь обладал поразительной толстокожестью. В прошлой жизни, когда его отчитывал начальник за просроченные отчеты, он всегда умудрялся отделяваться сладкими речами. Вот и теперь он просто показал наставнику стихи Синь Цицзи. Как и следовало ожидать, глаза Лян Суна мгновенно вспыхнули.

— Это ты написал? — спросил он, но тут же добавил: — Нет, невозможно. Такому пройдохе, как ты, не создать подобного шедевра.

Тан Шэнь, который как раз собирался притворно поскромничать и не прослыть плагиатором, только безмолвно приоткрыл рот.

Лян Сун внимательно перечитал стих еще раз и произнес:

— Здесь лишь половина. Где же вторая часть? И где ты раздобыл это произведение?

Тан Шэнь загодя заготовил ложь, рассказав, будто один странствующий обедневший ученый случайно забрел в деревню Чжаоцзя и в благодарность за предложенный фруктовый сок подарил ему эти стихи вместо платы.

Лян Сун вздохнул:

— «И вдруг, обернувшись, заметил её там, где угасает свет фонарей...» Лишь великий ученый, познавший превратности жизни и смерти, способен написать столь глубокие строки. Жаль только, что этот Синь Цицзи мне не знаком. Кто же этот мудрец, укрывшийся от суеты мира? Почему его имя неизвестно, и я никогда о нем не слышал?

Именно ради того, чтобы заполучить первую половину стихотворения, Лян Сун и согласился написать каллиграфию для Павильона Чжэньбао семьи Тан.

Тан Шэнь добирался в Поместье Лян в большой спешке и даже не успел заглянуть в Павильон Чжэньбао. Впрочем, за продажи эфирного масла и туалетного мыла он ничуть не беспокоился. Достав из книжного короба два сочинения «чжии», написанные только вчера, он почтительно передал их Лян Суну для проверки.

Сочинения «чжии» были не чем иным, как «восьмичленными сочинениями» — багувэнь. От простого начального экзамена до самого дворцового экзамена — ни одно испытание в древности не обходилось без написания багувэнь.

Однако писать эти сочинения было вовсе не так просто, как могло показаться потомкам. Одно лишь их построение требовало строгого деления на восемь обязательных частей: вступление, развитие темы, подготовка к рассуждению, переход к сути, начальные суждения, срединные суждения, последующие суждения и заключительные суждения.

<http://bllate.org/book/18292/1754416>